

Тайна и трагедия Михаила Шолохова

Куйбышев. — 1996. — 8 июль. — с. 8

ВЕРСИЯ

Николай КАСТРИКИН,
кандидат биологических наук

В начале 1942 года "Правда" опубликовала сообщение, которое на фоне грозных военных событий не привлекло к себе того внимания, какого заслуживало. В нем говорилось, что летевший в Куйбышев бомбардировщик, в котором находился писатель Михаил Шолохов, потерпел под городом катастрофу. Четверо из шести летевших погибли, у летчика — перелом позвоночника, у Шолохова — тяжелая контузия...

Старшая дочь писателя позднее говорила о тяжелой контузии, с которой она связывала микроинсульт у отца в 1964 году. Иными словами, речь идет о тяжелейшем ушибе головного мозга, который, как правило, не проходит бесследно. Травматическая энцефалопатия после тяжелой черепно-мозговой травмы (как это называют медики) проявляется, кроме прочего, в изменении личности и поведения. Причем полная оценка посттравматических нарушений возможна лишь по истечении двух и более лет. Это означает, что последствия тяжелой контузии головного мозга развиваются постепенно и вначале могут не остановить на себе должного внимания.

Так, когда в июле 1942 года, т.е. через полгода после куйбышевской авиакатастрофы, Сталин (обхаживавший знаменитого писателя в надежде, что тот достойно отразит его роль в Великой Отечественной войне) вызвал Шолохова в Москву и предлагал после врачебного осмотра в Кремлевке отдых в Грузии, он под шутивым предлогом отказался.

"Правда" писала (в сообщении об авиакатастрофе), что Шолохов чудом уцелел. Но чудес, увы, не бывает, а гениальность — вещь хрупкая. Во всяком случае после рокового января 1942 года (ему было тогда 36 лет) Шолохов не написал ничего, достойного пера автора "Тихого Дона" и первой части "Поднятой целины". (Слабой вспышкой тлеющего гения можно считать рассказ "Судьба человека"). Как это ни грустно, но в интересах истины следует различать раннего Шолохова (до января 1942 года) и позднего. Между ними — личностная и художественная пропасть. Разве можно серьезно говорить об этих вымученных подражаниях самому себе (главах из так и неопубликованного романа "Они сражались за Родину" и о второй части "Поднятой целины")? А чего стоят топорные и примитивные, казенные по языку и убогие по мысли высказывания на съездах, собраниях? И это после шекспировских высот "Тихого Дона"?!. Если ранний Шолохов вызывает удивленное благоговение, то поздний — лишь неловкость, досаду, стыд

и жалость... Именно на разительном контрасте между ними основана львиная доля сомнений в его авторстве. И есть все основания полагать, что он создавал и мучительно переживал этот контраст. Иное дело, понимал ли он его истинную причину (ведь отдаленные последствия ушиба мозга развиваются коварно медленно) или думал, что переутомился или просто исписался?..

Между тем после выхода четвертой книги "Тихого Дона" и присуждения Сталинской премии в 1941 году мир ждал от него новых литературных свершений. Сам Сталин в 1942 году советовал ему идти по стопам автора "Войны и мира". Потом, не дождавись от Шолохова исполнения своих пожеланий, мстительный вождь написал в 1949 году о "ряде грубейших ошибок" в "Тихом Доне". Писатель просит Сталина принять его или письменно объяснить, в чем его ошибки. Ответа не последовало. Больше они не встречались, а произведения его перестают печатать до самой смерти "Хозяина".

А что же он?.. А он, никому не показывая, рвет или сжигает свои черновики (и даже рукопись романа) в напрасной надежде, что покинувший его талант вернется. (Жена уговаривает подождать хотя бы до утра: может, утром понравится. "Нет, Маруся, плохо..."). Но годы шли, а талант не возвращался. Годы томительного и бесплодного ожидания при беспощадном сознании того, кем он был и кем стал... Он, не раз глядевший в девицы (по его выражению) глаза смерти (семнадцатилетним подростком был приговорен к расстрелу и два дня ожидал исполнения приговора), теперь боялся... Боялся, что утрату дара, по черновикам или при личном общении, заметят другие. Отсюда — вынужденная нелюдимость, упорное нежелание пускать кого-либо в свою творческую кухню и великое сидение в Вешенской... Правда, под рукой был обманчивый друг, алкоголь, и надежные старые друзья — рыбалка, охота, природа, по-прежнему ласково принимающие его в свои объятия и не замечающие в нем каких-либо перемен...

Завистники его и сомневающиеся могут спать спокойно: текущий в века "Тихий Дон" написан им, русским самородком невиданной величины.

Умирая ночью, он сказал дочери: "Потерпи, дочка, я сейчас умру... Я сейчас...". Нужно много выстрадать, чтобы сказать такое.